

праве сходили с арены. На смену им пришла аренда, не влекущая уплаты телоса в казну. Связь обрабатываемой крестьянином земли с государственным регулированием (публичноправовая сфера), таким образом, распалась — крестьянин оказался в несравненно большей зависимости от частноправового регулирования.

Однако, во-первых, мы очень мало осведомлены об условиях аренды этого времени (она оставлена в практиках «за кадром»). Во-вторых, потерявший свое держание парик—арендатор чужой земли по-прежнему в XIII—XIV вв. платил телос в казну со своей сташи (двора), расположенной на земле своего постоянного хозяина; причем этот телос, как убедительно доказала Хвостова, свидетельствует о росте прав казны на частновладельческих париков, включив в себя взыскания с неземледельческих доходов крестьянина и таких видов имущества, которые в X—XI вв. не подлежали обложению. В-третьих, поземельную подать в казну с отданной в аренду земли по-прежнему платил ее собственник (если арендный договор не обязывал к этому самого крестьянина-арендатора).

И все-таки крайне важно, что автор сконцентрировал внимание на исчезновении в XIII—XIV вв. парических держаний старого типа и на широком развитии

аренды. Тот факт, что поземельная подать с господской не экзимирированной земли, не поделенной на сташи, в том числе с отданной парикам в аренду, взималась по гораздо менее высоким ставкам, чем с парических держаний, заставляет вместе с автором задуматься над последствиями этого явления для аграрного строя поздней Византии.

Я отметил лишь наиболее важные, по моему мнению, пункты, по которым иначе смотрю на вещи, ибо отправляюсь от другой гипотезы, чем автор рецензируемой книги. Спорные вопросы, как видно, еще далеки от их удовлетворительного решения. Монография К. В. Хвостовой побуждает вновь, под новым углом зрения, пересмотреть и уточнить некоторые установившиеся положения. Дискуссия, следовательно, должна быть продолжена, но не в рамках рецензии, подобной этой.

Безусловным недостатком работы я считаю отсутствие списка библиографии, который ни в коей мере не восполняется постраничными ссылками.

В целом новая книга К. В. Хвостовой представляется мне чрезвычайно интересным, поистине новаторским исследованием, открывающим дополнительные возможности для углубления наших познаний в области социально-экономической истории средневековья.

Г. Г. Литаврин

«Средневековый город» и проблемы византийского города

Вышли в свет четыре выпуска проблемно-тематического межвузовского сборника «Средневековый город»¹. Эти выпуски позволяют судить о плодотворности усилий по координации научных сил ученых университетов и вузов для разработки крупных проблемных тем исторической науки путем издания межвузовских проблемно-тематических сборников. Сборники «Средневековый город», родившиеся из выпуска работ сотрудников Саратовского университета, быстро превратились в своего рода периодическое тематическое издание, объединившее силы урбанистов университетов, педагогических институтов, сотрудников академических учреждений вокруг разработки проблем средневекового города. Сборники уже приобрели заслуженную известность как в СССР, так и за рубежом именно потому, что на их страницах рассматриваются и важнейшие теоретические проблемы истории средневекового города, и конкретные вопросы различных этапов его развития, и типологическое своеобразие в разных регионах. Сборники охватывают широкий круг вопросов — от экономики до идеологии и культуры. В них публикуются отчеты о конференциях по истории города, тематические обзоры советских и зарубежных работ, рецензии.

Сборники привлекают к себе внимание известной «всеобщностью» охвата проблем

истории европейского города. С этой точки зрения они представляют значительный интерес и для византинистов. В частности, такого рода работой является общетеоретическая статья С. М. Стама о средневековом городе, вызвавшая отклики медиевистов-урбанистов². Внимание византинистов, несомненно, привлекает и серия статей М. Е. Карпачевой (вып. 2—4), в которых рассматриваются судьбы античного города в эпоху раннего средневековья. С точки зрения дискуссий о континуитете в развитии византийского города в них содержится ряд интересных наблюдений относительно формальных и качественных элементов и черт преемственности. Небезынтересны в плане уяснения типологических отличий византийского города и «уровней» развития в XI—XII вв. статьи, в которых исследуется внутреннее развитие западноевропейского города к XIII в., статьи о патрициате. Известный материал для сопоставлений дают и работы по славянскому городу.

Ряд статей в сборниках посвящен проблемам византийского города. Как и остальные, они касаются «жгучих», дискуссионных проблем истории города и поэтому вряд ли случайно относятся к «крайним» эпохам византийской истории — ранне- и поздневизантийской.

Первой из них является статья Г. Л. Курбатова и Г. Е. Лебедевой

¹ Отв. ред. С. М. Стам. Саратов, 1968. Вып. 1; 1974. Вып. 2; 1975. Вып. 3; 1978. Вып. 4/5.

² См., например, рецензию К. Д. Авдеевой и Л. А. Шаферовой на 2-й вып. сборника — СВ, 1975, 39, с. 236—238.

«К вопросу о характере балканского города IV—V вв.» (вып. 2). Хотя формально она посвящена вопросу о балканском городе, значение ее, как справедливо уже отмечали рецензенты, шире³ — она в определенной мере связана с дискуссией о характере ранневизантийского общества IV—VI вв. Сейчас на эту статью, вышедшую в 1974 г., уже можно взглянуть с некоторого «расстояния». Ее авторы обратили внимание на ряд закономерностей развития балканского города, рабства в нем. Новая интерпретация В. Велковым закона 383 г. о куриалах Мезии привлекла их внимание именно с этой точки зрения. Из проделанного авторами анализа закона следует, что едва ли правы те исследователи, которые считают, что и в позднеантичный период под термином *famuli* скрывались в законодательстве рабы-слуги или, во всяком случае, преимущественно они. С другой стороны, авторы обратили внимание на упоминаемое в законе отсутствие у плебеев, привлекаемых в курии, других доходных имуществ, кроме рабов, и на известное сопоставление их с точки зрения их материальных возможностей с куриалами. Наличие в городах Мезии богатой плебейской верхушки, жившей исключительно на доходы от эксплуатации своих рабов, по мнению авторов, справедливо ставит вопрос о недооценке в современной литературе известной рентабельности использования рабского труда в конце IV в.

Авторы сочли возможным более широко оценить значение данных закона 383 г. По их мнению, сложившаяся в Мезии чрезвычайная ситуация просто обнажила в ее городах «тот слой зажиточных плебеев-рабовладельцев, который, по-видимому, существовал и играл немалую роль в экономической жизни и других городов» (с. 50). Это предположение находит подтверждение в другом материале: так, проповедь Иоанна Златоуста 393/4 г. свидетельствует о том, что на строительных работах в Антиохии основную массу профессиональных строителей составляли рабы, хотя для применения их труда отсутствовали благоприятные условия по причине сезонного характера работ и наличия высокой конкуренции труда свободных⁴. Из этого следует, что рабский труд не утратил своего значения и в массовом городском производстве конца IV в., и в только что процитированной статье Г. Л. Курбатов внес необходимые дополнения в выводы, сделанные им в 1962 г. в монографии «Ранневизантийский город».

Вторая половина статьи связана с оценкой материала начала V в. Как известно, одни исследователи относят «конец античности» в балканских провинциях Ви-

зантии к концу IV—первой половине V в., другие считают, что перелом произошел еще раньше — на рубеже IV столетия. Наличие разных точек зрения породило проблему критериев оценки разных фаз развития античного общества, без которых невозможно разобраться в качественных отличиях позднеантичной эпохи от предшествующей и в равной мере от «крайне-феодальной»⁵. Указанное обстоятельство нашло отражение и в рассматриваемой статье, в частности при анализе данных закона 409 г. о военнопленных скирах, который стал рассматриваться некоторыми исследователями как своего рода показатель радикального поворота в социальной политике правительства (феодальной), направленной на активное изживание рабовладельческих отношений. Авторы статьи на материале этого закона убедительно показали, что он был направлен против активного стремления собственников Мезии превращать военнопленных скиров в рабов (как для «деревни», так и для города, о чем прямо говорит закон), а следовательно, против безусловно рабовладельческих тенденций местных собственников. Авторы обратили внимание на то, что в законе подчеркивалось его отношение только к скирам; они отмечают чрезвычайность ситуации, которая привела к его появлению, полное отсутствие какого-либо «подтекста», который бы позволял увидеть в этом законе принципиальные установки правительства и государства. Статья убедительно показывает, что процесс упадка античного города, в том числе и на Балканах, был значительно более сложным и длительным, чем это иногда представляется.

Этой проблеме посвящена и другая работа — статья Г. Е. Лебедевой «Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах: (По данным Кодексов Феодосия и Юстиниана)» (вып. 3, с. 22—33). Г. Е. Лебедева известна своими работами о рабстве по материалам ранневизантийского законодательства. Представляют интерес два аспекта ее исследований: с одной стороны, терминологический, выяснение того, в какой мере «рабская» терминология законодательства могла отражать и отражала производственный или непроизводственный характер деятельности и использования рабов, с другой — стремление путем учета всех данных законодательства о рабах составить максимально полное представление о степени распространенности рабовладения у разных социальных групп населения Византии и его эволюции.

В данной статье Г. Е. Лебедева рассматривает данные законодательства о коллективной собственности на рабов город-

³ Там же, с. 238—239.

⁴ См.: Курбатов Г. Л. К проблеме рабства в ранней Византии. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978, вып. 2, с. 3—11.

⁵ Кузищин В. И. Понятие рабовладельческой формации и периодизация истории рабовладельческого общества. — ВДИ, 1974, № 3; дальнейшую разработку проблемы см.: Корсунский А. Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях. — В кн.: Проблемы социальной революции. М., 1976.

ской общины в IV—VI вв., наиболее показательной с точки зрения оценки характера города, его эволюции как античного полиса. Автор не анализирует эволюцию сельского рабовладения городской общины, поскольку она достаточно изучена в связи с развитием аграрных отношений. В центре внимания Г. Е. Лебедевой — внутригородские рабы города. Автор рассматривает все законы о *servi publici*, вытекающие из законодательства IV—V вв., объяснения включения в Кодекс Юстиниана ряда законов о городских рабах II—III вв. Автору удается, на наш взгляд, убедительно проследить взаимосвязь развития государственного рабовладения в городе с упадком муниципального рабства. На основе анализа всего законодательного материала о городских рабах ею выделяются три этапа упадка рабовладения городской общины внутри города. Для первого из них (IV в.) характерным является то, что рабы составляют большинство низших муниципальных служащих, и нужды городской общины еще во многом удовлетворяются трудом городских рабов-ремесленников, мастерских города. В течение IV в. часть из них превращается в государственные мастерские и их рост генетически связан с существованием муниципальных, как и рост числа государственных рабов-ремесленников. На V в. приходится новый этап, когда государство было уже не в силах приостановить обеднение городских общин, запретить продажу их имущества. Именно в этот период, как показывает целая группа законов V в., оно было вынуждено разрешить городам продажу части внутригородских имуществ, рабов, стремясь ограничить утрату городами основных источников их собственных доходов — городских имений. В V в. античная полисная организация утрачивает большую часть своих городских рабов. Глубокий упадок античной городской собственности на рабов приходится на V—VI столетия.

Статья Г. Л. Курбатова «Еще раз о византийских димах» (вып. 3, с. 3—21) посвящена проблеме византийских партий цирка. Еще в 1960 г., изучая социальные и политические отношения в Антиохии, автор статьи поддержал точку зрения М. Я. Сюзюмова о том, что византийские димы не были прямыми преемниками античных территориальных демов. Византийские партии цирка были новообразованиями, порожденными социальными условиями позднеантичной эпохи. Известный кризис прежних представлений о ранневизантийских димах привел некоторых зарубежных исследователей к попыткам отрицать социальный характер и значимость борьбы партий в ранней Византии. Наиболее четко эта точка зрения была сформулирована в статьях (затем монографии) А. Кэмирона. В указанной статье Г. Л. Курбатова критически рассматривает часть тезисов Кэмирона. Он справедливо указывает на ошибочность ряда характеристик византийских партий, вытекавших из представлений о них как прямом продолжении антич-

ных политических группировок города и старых форм политической активности городского населения. Византийская «димократия» была качественно новым, типично позднеантичным и специфически в значительной мере византийским явлением, социальное значение которого не приходится недооценивать. Лингвистические обоснования Кэмирона заслуживают определенного внимания, но они ни в коей мере не подтверждают его тезис о том, что византийские димы — миф. По мнению автора, нуждаются в изучении те специфически ранневизантийские связи, которые объединяли население в партии, вокруг партий в общегородских масштабах. К сожалению, они не были прослежены Кэмироном, в частности в плане изучения корпораций, религиозных объединений и т. д. Автор решительно выступает против попыток Кэмирона поставить под сомнение социальную значимость борьбы партий, его акцента на индивидуальный и в значительной степени случайный характер связей с партиями цирка. Разумеется, еще далеко не изучены даже те специфически внутригородские противоречия, которые включали в борьбу партий или заставляли менять свою позицию те или иные группы населения. Организационный характер борьбы партий, достаточно высокая степень организованности, проявлявшаяся в ходе крупнейших городских движений, убедительно опровергают тезис Кэмирона о случайном и индивидуальном характере связей с партиями. Как бы ни понимать византийские димы, все равно приходится говорить о наличии постоянных устойчивых организационных связей между различными группами населения в политической жизни города. Факты социальной истории, социальных конфликтов в ранневизантийском городе не подтверждают многих тезисов Кэмирона, касающихся византийских партий⁶.

Другой актуальной проблеме истории византийского города посвящена статья В. Н. Завражина «„Месой“ в поздневизантийском городе по данным „Истории“ Иоанна Кантакузина» (вып. 3, с. 224—230). Общеизвестно то внимание, которое привлекают проблемы развития поздневизантийского города, характер и облик его социальных групп. Укажем, с одной стороны, на восходящие еще к XIX в. устойчивые традиции отдельных представителей зарубежной историографии рассматривать «месой» как бюргерство, буржуазию, с другой — на попытки нашей историографии уяснить социальную характеристику «средних» как социальной группы с некоторым «предпринимательским», своего рода «предбуржуазным», акцентом. Автор статьи тщательно рассмотрел все даваемые в современной научной литературе «месой» социальные

⁶ Во многом совпадающие основные замечания по книге А. Кэмирона «*Circus factions*» (Oxford, 1976) были сделаны позднее в рецензии Р. Браунинга.

характеристики и всю сумму характеризующих их данных в «Истории» Иоанна Кантакузина — источнике, содержащем основную массу упоминаний о «месой», используемых исследователями для суждения об этой группе населения поздневизантийского города. В. Н. Завражин поставил перед собой задачу суммировать все данные этого памятника о социальном облике и характере «месой». В результате анализа текста «Истории» Кантакузина он приходит к выводу о том, что «сведения Кантакузина о „месой“ дают основания определять их как торгово-ростовщические круги, тесно связанные в своей деятельности с местной торговлей. Эти данные не позволяют видеть в „средних“ нарождающиеся буржуазные элементы. Наоборот, прослеживаемая у Кантакузина общность интересов „месой“ с феодальной аристократией свидетельствует не в пользу роста самостоятельности „нового предпринимательского класса“, а скорее о характерном для Византии усиливавшемся подчинении тор-

гово-ростовщической верхушки города власти феодальной аристократии» (с. 230). Хотя понятие «месой» иногда рассматривалось византийскими авторами несколько шире и в формальном аспекте («средние» как средние между «богатыми» и «бедными»), автор правильно сосредоточил свое внимание на тех данных, которые могут в какой-то мере характеризовать средних как некую новую, возможно «предбуржуазную», социальную группу. Его наблюдения представляют несомненный интерес именно потому, что они становятся в один ряд с данными, не подтверждающими активного развития элементов раннекапиталистических отношений в поздневизантийском городе.

В целом вся группа статей по византийской тематике в сборниках «Средневековый город» в определенной мере оттеняет черты типологического своеобразие развития византийского города по сравнению с городом других регионов.

Л. Н. Заливалова

Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М.: Наука, 1978. 284 с.;

Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М.: Наука (Памятники исторической мысли), 1978. 320 с.

Исследование Я. Н. Любарского привлекает внимание уже самим выбором темы: Михаил Пселл — один из крупнейших, наиболее плодотворных и ярко талантливых писателей Византии за всю ее историю, а может быть, один из наиболее значительных писателей всего европейского региона за период с VII по XI столетие.

Несмотря на то что изучению огромного литературного наследия Пселла и самой его личности уделено в мировой историографии большое внимание, до сих пор еще ни один исследователь ни в отечественной, ни в зарубежной науке не подвергал методическому литературоведческому анализу столь обширную совокупность произведений Пселла в тесной связи с изучением жизненного пути автора, его личности и мировоззрения. Я. Н. Любарский исследовал около 600 писем Пселла, около 80 его риторических сочинений и «Хронографию», представляющую собой шедевр литературного творчества писателя. Помимо опубликованных сочинений Пселла, Любарский привлек в микрофильмах ряд его неизданных произведений, в том числе недавно ставшую известной (пока еще узкому кругу специалистов) так называемую «Краткую историю» писателя (рукопись Синайского монастыря св. Екатерины, № 1117). Около четверти упомянутых риторических сочинений Пселла частично или полностью изучено Любарским также по рукописям.

Византинисты-историки, в особенности советские, достигли в течение последних десятилетий существенных успехов в обосновании концепции поступательного развития византийского общества в рамках феодальной общественно-экономической формации. К сожалению, в марксистском

литературоведении до недавнего времени успехи были, по нашему мнению, несколько более скромными. В западной историографии по-прежнему господствуют представления о византийской литературе как литературе, почти лишенной развития, оригинальности, борьбы идей, новых концепций и эстетических идеалов. Труд Я. Н. Любарского, как и книга А. Д. Алексидзе «Мир греческого рыцарского романа. XIII—XIV вв.» (Тбилиси, 1979), приобретает в этой связи принципиальное значение.

Упомянутая презумпция неизбежного «шаблона» и «костности», на наш взгляд, в исследовании Любарского, основательно подорвана. На примере творчества Пселла ученый показал жанровое богатство и своеобразие византийской литературы, ее эстетическую ценность, ее злободневность и остроту идейных столкновений в ее недрах.

Соответственно заглавию, книга распадается на две почти равные части. Первая часть («Личность», с. 3—124) состоит из трех глав. Первая глава («Загадка личности и проблема мировоззрения: Некоторые итоги изучения», с. 3—21) носит характер историографического введения и дает представление о существе наиболее спорных и слабо исследованных проблем, связанных с личностью писателя и его мировоззрением. В этой же главе автор говорит и о методе своего исследования: через «многообразные отношения с современниками» писателя постигать его личность и мировоззрение — метод, обычный для современного литературоведения, но редко применявшийся в отношении литературы средневековья. Огромное эпистолярное наследие Пселла, исключительное для той эпохи, позволило автору использовать эту плодотворную методику.